

УДК 801.7

АВТОРСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА / СВОБОДНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПРИЕМ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Совокупность фразеологических единиц составляет заметную часть лексикона. Фразеологизмы, вследствие их экспрессивности, нередко используются для придания текстам большего выразительного эффекта. Особое место принадлежит фразеологическим единствам, способным выступать и как устойчивые, и как свободные словосочетания.

Обзор научной литературы. Использование таких потенций в качестве изобразительного приема затрагивали многие лингвисты: В.В. Виноградов [Виноградов, 1977, с. 140–161], Н.М. Шанский [Шанский, 1972, с. 167–268], А.И. Федоров [Федоров, 1969; 1973], Д.Н. Шмелев [Шмелев, 1977, с. 288–333] и ряд других.

Целью настоящей статьи является многоаспектный анализ употребления ФЕ *водить за нос* в беллетристических и публицистических текстах ряда русских писателей.

Результаты исследования. На примере использования фразеологического единства *водить за нос* в ряде произведений устанавливается, что указанные феномены имеют интертекстуальный характер. Связанные с этим вопросом конкретные явления целесообразно рассматривать несколько шире и в разных аспектах. При подобном подходе обнаруживается не только определенное взаимоподобие, но и сугубо индивидуальные приемы оригинального автора, а также роль конкретных эпизодов в экспликации вероятных интенций всего произведения в целом.

Выводы. В результате исследования отмечаются вариативность вероятных авторских интенций, имманентные изобразительные потенции словосочетания *водить за нос*.

Ключевые слова: *фразеологическое единство, свободное словосочетание, водить за нос, изобразительные возможности, статусные метаморфозы синтагмы, эстетический эффект, интертекстуальные феномены, практика преподавания, филологический анализ текста.*

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания филологического факультета, КГПУ им. В.П. Астафьева (Красноярск); e-mail: vasileva@kspu.ru

Постановка проблемы. Фразеология закономерно составляет заметную и притом значимую часть национального лексикона. Функциональная роль фразеологизмов состоит прежде всего в придании образности высказыванию с целью усиления его эффекта воздействия на адресата. Этому способствует наличие экспрессивности, нередко конденсирующей в своеобразном вербальном оформлении некоторые черты этнокультурной ментальности (в современном официозе именуемой «идентичностью»).

Обзор научной литературы. Существует немалое количество уже ставших классическими трудов, посвященных природе фразеологизмов и возможностям их коммуникативного использования. Это работы В.В. Виноградова [Виноградов, 1977а, с. 140–161], Н.М. Шанского [Шанский, 1972, с. 167–268], А.И. Федорова [Федоров, 1969; 1973], Д.Н. Шмелева [Шмелев, 1977, с. 288–333] и ряда других авторов.

Примечательно, что среди всего многообразия фразеологизмов особое внимание лингвистов зачастую привлекают фразеологические

единства. По-видимому, это объясняется амбивалентной сущностью последних, способных выступать в статусе как устойчивых, так и свободных словосочетаний в зависимости от задач и условий их употребления.

Отсюда вытекает «возможность двойственного, каламбурного переосмысления» [Виноградов, 1977б, с. 129] фразеологических единств (далее – ФЕ), их «буквальное осмысление» [Шмелев, 1977, с. 323], «употребление фразеологического оборота, который надо понимать одновременно и как фразеологическое и как свободное сочетание слов» [Шанский, 1972, с. 260] и т.п. Такой подход к использованию ФЕ позволяет автору (адресанту) придать своему тексту (высказыванию) дополнительные изобразительные потенции (см. об этом, кроме вышеупомянутых изданий, также [Кожина, 1977, с. 123; Бондалетов и др., 1989, с. 75]; из сегодняшних публикаций, с разной степенью успешности касающейся этой проблематики, см. [Новоселова, 2019, с. 65–66; Сидоренков, 2014, с. 236–237; Зеленов, 2008]). Впрочем, даже широко известные интерпретации примеров литературно-художественного либо публицистического использования ФЕ как словосочетаний, изначально двойственных по своему структурно-семантическому облику, иногда затруднительно считать исчерпывающе полными, поскольку такой подход к их рассмотрению очевидно не был самодовлеющим.

Целью настоящей статьи является многоаспектный анализ употребления ФЕ *водить за нос* в беллетристических и публицистических текстах ряда русских писателей. Это позволит, в свою очередь, прояснить вероятные авторские интенции.

Результаты исследования. Приведем некоторые лексикографические дефиниции ФЕ *водить за нос*:

«*водить за нос*, или просто *водить* – ‘дурачить, обманывать кого и помыкать им’» [Даль, 1955, т. 1, с. 222]; «*водить кого за нос* – ‘обманывать и управлять кем’» [Даль, 1955, т. 2, с. 555];

«*водить за нос* кого – ‘обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного’» [ФС, 1987, с. 73];

«*водить за нос* кого – ‘обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного’» [ФС, 1995, т. 1, с. 88];

«*водить за нос* – ‘обманывать, вводить в заблуждение’» [ФС, 2007, с. 67];

«*водить за нос* кто кого – ‘бессовестно обманывать, дурачить’». Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X) с помощью ложных обещаний вводит в заблуждение другое лицо или группу обычно занятых в общем деле лиц (Y) (как правило, это продолжается длительное время)» [БФС, 2006, с. 497].

Можно заметить, что более ранние и позднейшие толкования значения данного ФЕ несколько различаются. В.И. Даль особо акцентирует манипулятивный ресурс действия в отношении его объекта – *‘обманывать кого-либо, (чтобы) подчинить его воле субъекта’.

Рассмотрим некоторые примеры употребления ФЕ в отечественных литературно-художественных текстах.

Характеризуя силу влияния Агафии Федосеевны на Ивана Никифоровича, которому она «не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 209], Н.В. Гоголь в присущей ему манере наивно-простодушного повествователя говорит: «Я, признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины х в а т а ю т н а с з а н о с так же ловко, как будто за ручку чайника? Или руки у них так созданы, или н о с ы наши ни на что более не годятся. И несмотря, что нос Ивана Никифоровича был несколько похож на сливу, однако ж она с х в а т и л а его за н о с и в о д и л а за собою, как собачку» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 210]. По мнению А.И. Федорова, в этом случае контекст «реализует прямое значение словосочетания свободно-го типа <...>, в нем продолжает сохраняться первоначальная фразеологическая семантика... Восстановление внутренней формы фразеологизма <...> вернуло ему образность» [Федоров, 1969, с. 54–55]. Представляются возможными некоторые дополнения. Писатель структурирует последовательность действий персонажа, прибегнув к обобщению гендерного свойства приема, относимого исключительно к образу поведен-

ческой модальности именно прекрасного пола («женщины»¹), и дважды используя свободные словосочетания («х в а т а ю т н а с з а н о с», «с х в а т и л а е г о з а э т о т н о с») как обозначение начальной фазы процесса, описание которого к тому же расцвечено сравнением («как собачку»), чрезвычайно комичным применительно к Ивану Никифоровичу (он «распространяется в толщину» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 196] настолько, что при визите в суд «завязнул в дверях» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 220]).

Несколько иначе использует то же ФЕ Ф.М. Достоевский в рассказе о «невозможных дерзостях <...>, совсем дрянных и мальчишеских», совершенных Ставрогиним: «Петр Павлович Гаганов, человек пожилой и даже заслуженный, взял невинную привычку ко всякому слову с азартом приговаривать: „Нет-с, меня не *проведут за нос!*“ <...>. Но однажды в клубе, когда он <...> проговорил этот афоризм <...>, Николай Всеволодович <...> вдруг подошел к Петру Павловичу, неожиданно, но крепко у х в а т и л е г о з а н о с двумя пальцами и успел п р о т я н у т ь за собою по зале два-три шага» [Достоевский, 1957, т. 7, с. 48]; ср. далее: «человека все-таки п р о т а щ и л и з а н о с и <...> очень-то уж торжествовать нечего» [Достоевский, 1957, т. 7, с. 49]. Вероятной задачей этого эпизода была демонстрация как психического состояния Ставрогина, так и его склонности к пренебрежению общественной моралью и сторонними оценками его поведения. Д.Н. Шмелев считал приведенный случай примером «буквального истолкования выраже-

ния *провести за нос*», когда происходит «возвращение словам, входящим во фразеологизм, их прямого, первичного значения, т.е. их буквальное осмысление, вопреки обычной в данном словосочетании фразеологической связанности» [Шмелев, 1977, с. 323]. Можно заметить также, что этот прием здесь усиливается за счет употребления при описании действий Ставрогина собственно не самого глагола *провести*, но его синонимов (*протянуть*, *протащить*); таким образом, словесный облик фразеологизма деформируется и он присутствует лишь фоновым вербальным импульсом к реальному физическому действию персонажа.

М.Е. Салтыков-Щедрин использует рассматриваемое ФЕ как ключевое в детальном изложении некоей «теории». Ее сущность «заключалась в том, чтобы практиковать либерализм в самом капище антилиберализма. С этой целью предполагалось наметить покладистое влиятельное лицо, прикинуться сочувствующим его предначертаниям и начинаниям, сообщить последним легкий либеральный оттенок <...>, и затем, в з я в облюбванный объект з а н о с , в о д и т ь его з а о н ы й. Теория эта <...> так и называлась теорией в о ж д е н и я влиятельного человека з а н о с <...>. Идеал в о ж д е н и я з а н о с был как раз ей [провинции] по плечу» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 540]. Однако далее актуализируется некое подобие метонимического переноса: *нос* выступает в качестве иносказательного обозначения «влиятельного лица». Ср.: «...Намеченные н о с ы не всегда охотно подчинялись операции в о ж д е н и я <...>. Н о с ы подозрительны и требуют, чтобы в о ж а к и отдавались им всецело <...>. Чуть замешивалась в этот двойственный союз третья, не вполне подходящая, личность – и процесс в о ж д е н и я з а н о с прекращался сам собой <...>. Приходилось сознавать, что <...> господином положения остается все-таки „н о с“, а в о ж а к состоит при нем в роли приспешника, чуть ли не лакея» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 541]. Наконец, метонимия уравнивает всех участников процесса: «Это было время, когда в с е н о с ы , и в о д я щ и е и в о д и м ы е , смешались, когда мертвые

¹ В связи с этим следует отметить: у решительной Агафии Федосеевны («что откусила ухо у заседателя» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 193]), которая у холостяка Ивана Никифоровича «отбирала ключи и весь дом брала на свои руки» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 218–219], в повести есть тезка. Это Гапка [Словарь русских имен, 1966, с. 39], ведущая хозяйство Ивана Ивановича, бездетного вдовца «более десяти лет. У Гапки есть дети и бегают часто по двору. Иван Иванович всегда дает каждому их них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носит ключи от комор и погребов <...>, девка здоровая» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 194]; один из Гапкиных мальчишек обращается к Ивану Ивановичу, «прекрасному» и «богомольному»: «Т я т я , т я т я , дай пряника!» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 209]. По-видимому, определенное взаимоподобие некоторых деталей личной жизни «редких друзей» призвано подчеркнуть, что они действительно «не совсем были сходны между собою» [Гоголь, 1952, т. 2, с. 196].

встали из гробов и ринулись навстречу проглянувшему лучу света» [Салтыков-Щедрин, 1976, с. 542] (вероятно, имеется в виду начало реформ Александра II). Таким образом, происходит головная деперсонификация фигурантов описываемых событий: их уже весьма затруднительно считать собственно людьми, они выступают лишь как условные заменители (*носы*) полноценных членов общества, олицетворяющие инициаторов и последователей тех или иных «теорий».

В повести Е.И. Замятина, само название которой – явственная отсылка к известному фразеологическому сращению (ср.: *у черта на куличках* – ‘очень далеко, в отдаленных, глухих местах’ [ФС, 1987, с. 523]), рассказывается об унылых буднях «на краю света» [Замятин, 1989, с. 136] дальневосточного армейского гарнизона, офицеры которого (и их супруги) предаются самым примитивным развлечениям. Жена капитана Нечесы многоплодна, и восемь детей ее – от разных сослуживцев мужа, а отцом девятого объявляют поручика Тихменя, «длинноносого» [Замятин, 1989, с. 141–142]. Последний, хотя и без всяких на то оснований, поверил в розыгрыш, но, чтобы избавиться от всяких сомнений, после «выпитых зельев» в собрании спрашивает у Нечесы: «Капитан-тан, скажи ты мне по совести <...>: чей Петяшка сын? <...> Мой или вот не мой...». «Капитан был нарезавшись здорово <...>. Тупо глядел Нечеса на качавшийся у самых его глаз тихменев нос <...>, совершенно противозаконно свернутый на сторону – так бы вот взял и поправил. Влекомый высшей силой, Нечеса крепко взял двумя пальцами тихменев нос и начал его водить вправо и влево. <...> Кругом все хваталось за животы. Тихмень <...> спросил: „<...> Он меня ... он водил меня за нос?“. Лопнули со смеха. Молочко [инициатор розыгрыша] еле выговорил: „Ну, брат, кого водил за нос, это, в конце концов, неизвестно“. Все кругом ахнули» [Замятин, 1989, с. 187]. И в этом случае имеет место сложная контакминация фразеологизма – и свободного словосочетания, причем действие, обозначаемое последним, является поводом к использованию ФЕ. Повидимому, приведенный эпизод является допол-

нительной иллюстрацией иррациональности армейского бытия в захолустье. Отметим также, что данный пример можно рассматривать как интересный частный случай интертекстуальности (см. [Васильев, 2013, с. 35–81]), которая иногда реализуется довольно неожиданно (ср.: [Васильев, 2013, с. 53–54] – и: «В первом наичаще снился вариант – автор, идя на генеральную [репетицию], забыл надеть брюки» [Булгаков, 1990, т. 4, с. 523]).

Выводы. Рассмотрение примеров использования ФЕ *водит за нос* позволяет сделать некоторые выводы.

При определенном сходстве в употреблении данного ФЕ разными авторами (обыгрывание фразеологического значения за счет его буквализации) очевидно различие интенций адресантов.

Так, подробный рассказ Н.В. Гоголя о доминировании Агафии Федосеевны над Иваном Никифоровичем скорее важная деталь для характеристики именно «дворянина Довгочхуна», безропотно поддающегося женскому напору (гендерной манипуляции); таким образом, сюжету повести сообщается дополнительный динамизм.

Сочетание фразеологического и буквально-го значений того же ФЕ в романе Ф.М. Достоевского – весомая составляющая нравственного облика Николая Ставрогина, и потому является весьма значимой для понимания замысла всего произведения.

М.Е. Салтыков-Щедрин при описании общественно-политических процессов абстрагируется от портретов реальных действующих лиц, полноценными субститутами которых оказываются *носы*, совершенно лишённые каких-либо индивидуальных черт. Этим фактически обесценивается и деятельность обезличенных персонажей, что соответствует общей пессимистичной тональности текста.

Для Е.И. Замятина диалектическая противопоставленность и сближение в одном контексте свободного словосочетания и ФЕ с тем же лексическим составом – удачный прием, способствующий более полному осмыслению адресатом почти абсурдного, лишённого сколько-нибудь внятной цели существования офицеров гарнизона в окраинной глуши.

Несмотря на всю вариативность вероятных авторских интенций, имманентные изобразительные потенции словосочетания *водит за нос* становятся реализованными в текстах разных авторов, принимавших в качестве исходной позиции формальную тождественность ФЕ, с одной стороны, а с другой – сочетания синтаксически и семантически самостоятель-

ных слов с собственными лексическими значениями. Поэтому такой прием может быть отнесен к числу интертекстуальных. Он хорошо иллюстрирует суждение:

«...Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» [Пушкин, 1978, т. VII, с. 23].

Библиографический список

1. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М., 2006. 784 с. (БФС).
2. Бондалетов В.Д., Вартапетова С.С., Кушлина Э.Н., Леонова Н.А. Стилистика русского языка. 2-е изд. Л., 1989. 223 с.
3. Булгаков М.А. Записки покойника (Театральный роман) // Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1990. Т. 4. С. 401–544.
4. Васильев А.Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. М., 2013. 342 с.
5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977а. С. 140–161.
6. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977б. С. 118–139.
7. Гоголь Н.В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 6 т. М., 1952. Т. 2. С. 193–243.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
9. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 т. М., 1957. Т. 7. 759 с.
10. Замятин Е.И. На куличках // Замятин Е.И. Избранные произведения. М., 1989. С. 136–196.
11. Зеленев А.Н. Фразеологизм – заголовок газетного текста в аспекте языковой игры // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 49. С. 63–66.
12. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977. 223 с.
13. Моклакова А.Ю. Смысловое преобразование фразеологических единиц русского языка с компонентом числительным в системе речи // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 162–165.
14. Новоселова В.А. Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе // Учетные записи Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 61–69.
15. Пушкин А.С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А. Крылова // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 19–24.
16. Салтыков-Щедрин М.Е. Имярек // Салтыков-Щедрин М.Е. Избранное. М., 1976. С. 530–543.
17. Сидоренков В.А. Фразеологизм – заголовок газетного текста в аспекте языковой игры // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 235–237.
18. Словарь русских личных имен / сост. Н.А. Петровский. М., 1966. С. 39.
19. Федоров А.И. Русская фразеология и ее изучение по источникам. Л., 1973. 32 с.
20. Федоров А.И. Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969. 92 с.
21. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. Новосибирск, 1995. Т. 1. 391 с. (ФС, 1995).
22. Фразеологический словарь русского языка / И.В. Федосов, А.Н. Лапицкий. М., 2007. 608 с. (ФС, 2007).
23. Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4-е / под ред. А.И. Молоткова. 1987. 543 с. (ФС, 1987).
24. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2-е. М., 1972. 328 с.
25. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.

AUTHOR-DEVELOPED USAGE OF PHRASEOLOGICAL UNITY / FREE PHRASE AS INTERTEXTUAL TECHNIQUE

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The collection of phraseological units makes up a noticeable part of the lexicon. Phraseologisms, due to their expressiveness, are often used to give texts a greater expressive effect. A special place belongs to phraseological unity, capable of acting both as stable and as free phrases.

Literature review. The use of such potentials as the basis of pictorial technique was considered by many linguists: V.V. Vinogradov, N.M. Shansky, A.I. Fedorov, D.N. Shmelev et al.

The purpose of this article is a multifaceted analysis of the use of phraseological unit “to pull somebody’s leg” in fiction and journalistic texts of a number of Russian writers.

Research results. On the example of the use of phraseological unity “to pull somebody’s leg” in a number of works, it is established that these phenomena are of an intertextual nature. It is advisable to consider specific phenomena related to this issue in a somewhat broader manner and in different aspects. Such an approach reveals not only a certain mutual similarity, but also the purely individual techniques of the original author, as well as the role of specific episodes in the explication of the probable intentions of the entire work as a whole.

Conclusions. As a result of the study, there is noted the variability of the likely author’s intentions, the immanent pictorial potential of the phrase “to pull somebody’s leg”.

Keywords: *phraseological unity, free phrase, to pull somebody’s leg, visual possibilities, status metamorphoses of syntagma, aesthetic effect, intertextual phenomena, teaching practice, philological text analysis.*

Vasilyev Aleksandr D. – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics of Faculty of Philology, KSPU named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

References

1. Big phraseological dictionary of the Russian language / Ed. by V.N. Teliya. Moscow, 2006. 784 p. (BFS).
2. Bondaletov V.D., Vartapetova S.S., Kushlina E.N., Leonova N.A. The stylistics of the Russian language. Second Edition. L., 1989. 223 p.
3. Bulgakov M.A. Notes of the Deceased (Theatrical Novel). Collection of works. In 5 Volumes. Moscow, 1990. Vol. 4. P. 401–544.
4. Vasilyev A.D. Intertextuality: precedent phenomena. Moscow, 2013. 342 p.
5. Vinogradov V.V. On the main types of phraseological units in the Russian language. In: Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography. Selected Works. Moscow, 1977a. P. 140–161.
6. Vinogradov V.V. Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline. In: Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography. Selected Works. Moscow, 1977b. P. 118–139.
7. Gogol N.V. The story of how Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich. In: Gogol N.V. Collection of works. In 6 Volumes. Moscow, 1952. Vol. 2. P. 193–243.
8. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Volumes. Moscow, 1955.
9. Dostoevsky F.M. Demons. In: Dostoevsky F.M. Collection of works. In 10 Volumes. Moscow, 1957. Vol. 7. 759 p.
10. Zamyatin E.I. At the world’s end // Zamyatin E.I. Selected works. Moscow, 1989. P. 136–196.
11. Zelenov A.N. Phraseologism - the heading of a newspaper text in the aspect of a language game // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Novgorod State University). 2008. No. 49. P. 63–66.
12. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian language. Moscow, 1977. 223 p.

13. Moklakova A.Yu. Semantic transformation of phraseological units of the Russian language with a numeral component in the speech system // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova (Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov). 2009. No. 4. P. 162–165.
14. Novoselova V.A. Transformation of phraseological turns as a means of speech expression in political discourse // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Notes of Petrozavodsk State University). 2019. No. 5 (182). P. 61–69.
15. Pushkin A.S. About the preface of Mr. Lemonte to the translation of fables by I.A. Krylov. In: Pushkin A.S. Complete works. In 10 Volumes. Leningrad, 1978. Vol. 7. P. 19–24.
16. Saltykov-Shchedrin M.E. Name to be spoken. In: Saltykov-Shchedrin M.E. Selected works. Moscow, 1976. P. 530–543.
17. Sidorenkov V.A. Phraseologism - the heading of a newspaper text in the aspect of a language game // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Novgorod State University). 2014. No. 77. P. 235–237.
18. Dictionary of Russian personal names. Compiled by N.A. Petrovsky. Moscow, 1966. P. 39.
19. Fedorov A.I. Russian phraseology and its study from sources. Leningrad, 1973. 32 p.
20. Fedorov A.I. The semantic basis of the figurative means of the language. Novosibirsk, 1969. 92 p.
21. Phraseological dictionary of the Russian literary language. Compiled by A.I. Fedorov. Vol. 1. Novosibirsk, 1995. 391 p. (FS, 1995).
22. Phraseological dictionary of the Russian language. Compilers: Fedosov I.V., Lapitsky A.N. Moscow, 2007. 608 p. (FS, 2007).
23. Phraseological dictionary of the Russian language. 4th Edition. Edited by A.I. Molotkov. M., 1987. 543 p. (FS, 1987).
24. Shansky N.M. Lexicology of the modern Russian language. 2nd Edition. Moscow, 1972. 328 p.
25. Shmelev D.N. Modern Russian language. Lexis. Moscow, 1977. 335 p.